

ПОЛТАВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

1866 года. № 20. Октября 15.

39-е ПИСЬМО

Высокопреосвященнѣйшаго Филарета,
Митрополита Кіевскаго.

Преподобному отцу Моисею со всею во Христвъ Иисусъ братією о Господь радоваться.

Приношу вашему преподобию искреннѣйшую мою благодарность за память вашу о моемъ недостойнствѣ. Всегда съ пастырскою любовью приѣмлю любезныя писанія ваши и васъ взаимно поздравляю съ новымъ годомъ. Молю Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и Пречистую Препоблагословенную Матерь Его Пресвятую Богородицу, да святая и всегда мнѣ любезная обитель ваша преуспѣваетъ отъ силы въ силу постническими и молитвенными подвигами боголюбивой братіи. Сердечно радуюсь о благодати Господа Бога, что и смиренный скитъ нашъ, по неизречен-

ному милосердію Его, изобилуетъ благословеніями и небесными и земными. Подвизайся брате въ управленіи ввѣренной тебѣ паствы неослабно, уповая на всемогущую помощь Отца нашего небеснаго. Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его по истинѣ. Хотя отстою отъ васъ тѣломъ, но духъ мой никогда не разлучается съ святою обителью вашею. Всегда объ ней молюсь Господу Богу и прошу вашихъ святыхъ молитвъ о моемъ недостойствѣ.

Посылаю благословеніе Божіе и пастырскую любовь мою преподобнѣйшему о. Архимандриту Мельхиседеку, старцу схимонаху Вассіану и христіолюбивому строителю и попечителю скита любезнѣйшему Дмитрію Васильевичу и всей о Христѣ братіи. Его превосходительство, истинный сынъ Церкви, Михаилъ Ивановичъ Чадаевъ обѣщаль доставить вамъ сію граматку. Примите его съ отеческою любовью.

Вашъ всегда усердный богомолецъ,

Филаретъ Архіепископъ Казанскій.

26 Января 1834 г.

Казань.

КРИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И АПОСТОЛЫ.

По поводу послѣдняго сочиненія Ренана.

(Статья Эдмонда де-Прессансе.)*

(Окончаніе.)

По вопросу о сверхъестественномъ въ религіи г. Ренанъ не прибавилъ ничего новаго. По прежнему — одно напыщенное и рѣшительное отрицаніе съ предвзятою мыслию. „Первое правило критики, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы въ историческомъ разсказѣ не давать мѣста ничему чудесному. Кто чтонибудь утверждаетъ, долженъ доказать его. Тому, предъ кѣмъ утверждаютъ чтонибудь, остается одно — ждать доказательства и уступить предъ доказательствами, если они удовлетворительны. Если бы Бюффона принуждали дать мѣсто въ естественной исторіи центаврамъ и сиренамъ, онъ отвѣчалъ бы: „докажите, что они существуютъ и я ихъ допущу; до тѣхъ поръ ихъ нѣтъ для меня.“ — Но докажите, что они не существуютъ. — „Нѣтъ, вы должны доказать, что они существуютъ.“ Аргументація Ренана была бы хороша, если бы было возможно сверхъестественное въ христіанской религіи смѣшивать съ грубыми баснями, о которыхъ онъ говоритъ. Вѣрованіе въ

* См. Полг. Епарх. вѣдомости № 19.

центавровъ и сирень не имѣло чувствительнаго вліянія на исторію; оно неоставило и слѣда. Вѣра въ чудеса евангельскія обновила міръ; вы то и должны доказать, какъ это могло случиться, если утверждаете, что вѣра въ чудеса — вѣра въ иллюзіи. Въ первомъ случаѣ все просто, никакой трудности не представляется уму, а во второмъ — вы видите присутствіе громаднаго факта, самаго удивительнаго въ исторіи. Вамъ предложатъ доказать, какимъ образомъ такое перерожденіе міра возникло и держится на галлюцинаціи, Принятое вами положеніе не такъ удобно, какъ вы полагаете, а положеніе христіанъ вовсе не такъ смѣшно; для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, — достаточно вспомнить, къ какимъ достойнымъ смѣха объясненіямъ вы принуждены прибѣгать. Я скорѣе повѣрю центаврамъ и сиренамъ, чѣмъ приму подобную философію исторіи.

Ренанъ, вѣрный положительности нашего времени, ни на одно мгновеніе не поднимаетъ вопроса о сверхъестественномъ на подобающую ему высоту. Въ сверхъестественномъ онъ не хочетъ видѣть ничего другого, какъ диковинку, чудо; онъ вновь требуетъ, чтобы предъ его глазами, или предъ собраніемъ ученыхъ сдѣлалъ кто-нибудь чудо, и такъ какъ чудо не является по его приказанію, то онъ объявляетъ, что и не было никогда чудесъ. Невозможно болѣе уничижать задачу. Ренанъ вѣроятно не знаетъ, что по смыслу христіанскаго ученія сверхъестественное есть не болѣе, какъ оболочка чуда, что чудо прежде всего есть

проявленіе божественной любви, входящее въ одинъ обширный планъ возстановленія и спасенія чело-вѣчества и что говорить о чудѣ можно только тогда, когда допускается свободное вмѣшательство верховнаго всемогущества для поднятія падшаго рода человѣческаго. Имѣеть ли Богъ право нарушить тѣсную связь между причиною и явленіемъ и дать исторіи новый поворотъ? Поставленъ ли онъ выше или ниже законовъ творенія? Другими словами, Творецъ ли Онъ, или это священное имя болѣе какъ тяжелое и устарѣвшее слово, означающее что-то безконечно неизвѣстное, въ кото-ромъ рождаются и исчезаютъ существа? Если су-ществуетъ личный Богъ отдѣльный отъ вселенной, то разумъ не можетъ не допустить, что Онъ неза-висимъ отъ своего творенія и пребываетъ его вла-дыкою. Для насъ этого достаточно, чтобы утвер-дить философскую возможность сверхъестествен-наго. Дѣло не въ томъ чтобы оспаривать то или другое чудо, взятое въ отдѣльности отъ Божест-веннаго плана, къ которому оно относится, и ли-шенное значенія моральнаго и религіознаго, а въ томъ, чтобы знать: — Теистическое понятіе о Божест-вѣ не заключаетъ ли въ себѣ понятія о верхов-ной свободѣ и независимости отъ законовъ при-роды? Вопросъ о сверхъестественномъ сводит-ся съ вопросомъ о самомъ Богѣ; онъ сводится къ нижеслѣдующему: есть ли Богъ въ древнемъ и искреннемъ значеніи этого слова, или Его нѣтъ? Отвѣтъ Ренана ясенъ, не смотря на всѣ предо-сторожности и тонкости его языка; довольно вспом-

нить эту знаменитую фразу, которую так часто повторяли: „историческая наука предполагает, что быть свободнаго существа выше человека и тако- го, которому принадлежала бы сколько нибудь значительная часть какъ моральнаго, такъ и ма- териальнаго управленія вселенной.“ Такимъ обра- зомъ, во имя самаго совершеннаго атеизма г. Ре- нанъ устраняетъ понятіе о сверхъестественномъ. Осмѣлится ли кто либо сказать послѣ этого, что вѣрующіе въ бытіе Божіе обязаны представить доказательство своего вѣрованія, тогда какъ от- рицающіе вѣру всего человечества могутъ оста- ваться въ полнѣйшемъ спокойствіи своего отрица- нія? Въ сущности, такъ они и думаютъ и для нихъ вѣра въ Бога личнаго — тоже, что сказка о цен- таврахъ и сиренахъ. Но пусть они знаютъ, что вѣра въ чудеса выигрываетъ, если ее также от- вергаютъ, какъ вѣру въ Бога живаго.

Что такова мысль нашего автора, это ясно вид- но изъ отвѣта, который онъ даетъ на одно изъ важнѣйшихъ опроверженій, ему дѣлаемыхъ. Въ доказательство верховнаго вѣнательства всемо- гущества Божія въ дѣла міра, ему указывали на появленіе человека, существа разумнаго. Его про- сили посредствомъ дѣйствія космическихъ силъ объяснить развѣтъ той духовной жизни, которую они не приготовили и не предвозвѣщали. Въ своей новой книгѣ, на это возраженіе, онъ отвѣ- чаетъ, что нельзя вывести никакого заключенія изъ необъяснимаго факта и что теперь мы не мо- жемъ перенестись въ моментъ клочотанія форми-

рующагося міра. Это все равно что сказать, что человекъ есть произведеніе скрытыхъ и таинственныхъ силъ природы, — что онъ просто сынъ бездны, въ которой дремлютъ сѣмена всѣхъ существъ, — что его бытіе не имѣетъ свободной и духовной причины и что слѣдовательно такая причина не существуетъ. Но для того чтобы установить этотъ первоначальный принципъ опытной науки, во имя которой авторъ устраняетъ сверхъестественное, онъ требуетъ отъ насъ безусловной вѣры, ибо, допуская, что моральная, и духовная жизнь есть не болѣе какъ продуктъ матеріальной жизни, мы должны безъ оглядки бросаться въ міръ гипотезъ. Наблюденіе насъ учитъ, что непреоборимая преграда раздѣляетъ не только разные царства природы, но даже разные роды животныхъ. Не смотря на то, что лѣстница животной жизни удивительна въ своей постепенности, переходъ отъ одной степени къ другой никогда не совершается чрезъ простое прохожденіе, но требуетъ творческаго акта и дѣйствія. Что же будетъ, если дѣло коснется жизни моральной и высшей? Когда же видѣли, чтобы духъ возникъ изъ камня или дерева, или явился изъ соединенія атомовъ? Вотъ для этого нужно бы собрать сонмъ ученыхъ, о которомъ Ренанъ такъ много хлопочетъ. — Дѣлайте сколько хотите разныхъ наблюденій, нагнѣвайте сколько хотите реторть, все же никогда вы не извлечете изъ нихъ ничего похожаго даже на жизнь физическую матеріальную, а они хотятъ, чтобы матеріальная природа произвела сама собою

жизнь духовную, совѣсть, мысль! Не вправѣ ли мы сказать Ренану: „для того, чтобы отвергать сверхъестественное, необходимо доказать, что природа производитъ не только сахаръ и купоросъ, но еще, по выраженію г. Тена, добродѣтель и разумъ! Вы-то должны представить доказательства, вы-то должны собрать всевозможныя академіи для подтвержденія того, что вамъ нужно доказать. Вы упрекаете насъ въ томъ, что мы, для утвержденія нашей вѣры, прибѣгаемъ къ тѣмнымъ временамъ. Но время основанія христіанства менѣе отдалено отъ насъ, чѣмъ хаотическій періодъ, во время котораго, по вашему, моральная жизнь выработалась на пылающемъ очагѣ внутренняго огня нашей планеты. Сухія кости мастодонтовъ говорятъ несравненно менѣе о происхожденіи человека подъ гигантскими папоротниками первобытнаго міра, чѣмъ лѣтописи нашей религіи о первой ея борьбѣ и первыхъ ея побѣдахъ, ибо нашъ величайшій документъ заключается не въ томъ или другомъ остаткѣ отъ временъ прошедшихъ; нашъ документъ—это обновленное человѣчество, это новое общество, выходящее изъ тины Римской Имперіи, при первомъ дуновеніи новаго слова!

Но г. Ренанъ твердитъ свое: „въ отдаленныя времена вселенная видѣла такіе феномены, которые въ наше время не повторяются, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же размѣрахъ.“ Мы допускаемъ это различіе разныхъ фразъ развитія бытія, но съ тѣмъ чтобы оно не доходило до такой радикальной невозможности, какъ проказведеніе мысли посредст-

вомъ химіи. Мы соглашаемся, что есть особенныя обстоятельства, которыя могли имѣть мѣсто только при происхожденіи вещей. Одни условія для зарожденія, другія условія для постепеннаго возрастанія и развитія. Почему бы христіанство не должно было воспользоваться этими законами? Оно навсегда пребудетъ явленіемъ сверхъестественнымъ, но безъ труда можно понять, что характеръ по истинѣ чудесный болѣе относится къ его началу, чѣмъ къ послѣдующему правильному ходу его исторіи. Сверхъестественное въ христіанствѣ можно уподобить рѣкѣ, которая у истока своего есть бурный горный потокъ, тогда какъ далѣе, на равнинѣ, онъ мирно катитъ свои широкія воды между плодоносныхъ береговъ. Изъ того, что сверхъестественное не является болѣе въ видѣ всеми замѣчаемаго чуда, какъ было восемнадцать вѣковъ назадъ, можно заключать только то, что періодъ творенія уступилъ теперь періоду развитія. — Сверхъестественное является повседневно въ стремленіи души къ Богу и въ непрерываемомъ общеніи Церкви съ небомъ, — которое и составляетъ условіе и основу ея существованія. Малѣйшая молитва, которая проситъ и получаетъ Божественную благодать, содержитъ ее всецѣло, но источникъ, изъ котораго она исходитъ, не требуетъ возобновленія. Первый догматъ евангелія — искупленіе посредствомъ Богочеловѣка, доказываетъ неопровержимо, что прежде сверхъестественное вездѣ имѣло мѣсто. А теперь мы не можемъ ожидать подобныхъ чудесъ. А потому именно, на основаніи принципа г. Ре-

нана, мы имѣемъ право устранить его главнѣйшее
возраженіе. Сверхъестественное и моральное и ре-
лигіозное должно было наследовать чуду собст-
венно такъ называемому. Совершенно понятно, по-
чему чудеса прекращались по мѣрѣ того, какъ
церковь удалялась отъ своего начала. Именно потому, что чудо есть дѣло святое, его
невозможно подвергнуть повѣркѣ чисто научной.
Иисусъ Христосъ отказывалъ дать доказательства
своего всемогущества тѣмъ, которые искали въ
нихъ только удовлетворенія своего любопытства.
Чудо, поражающее только глаза, ничего не гово-
ритъ сердцу и совѣсти; по правдѣ сказать, оно
не чудо — оно только удивительная небывальщина,
потому что оно не имѣетъ ничего духовнаго, со-
ставляющаго сущность чуда. Остался грубый
фактъ, но духъ улетѣлъ. Вотъ почему чудо являет-
ся только душамъ религіознымъ, а тѣ, которые не
признаютъ въ немъ ничего духовнаго, только уди-
вляются ему, какъ чему-то въ родѣ пошлаго фо-
куса и шарлатанства. Изъ этого слѣдуетъ, что ни-
когда христіанство, подѣ страхомъ самоуничтоже-
нія, для сохраненія своего значенія, не прекло-
нится предѣ грубыми и насмѣшливыми предложе-
ніями. Но это не мѣшаетъ христіанству быть при-
нятымъ тѣми учеными, которые съ великими и
святыми внушеніями чистой совѣсти соединяютъ
самыя обширныя познанія. Наконецъ въ ра въ
сверхъестественное была принимаема людьми,
которые конечно не ниже корифеевъ пантеизма.
Паскаль, Декартъ, Ньютонъ, Лейбницъ и множе-

ство другихъ могутъ составить ученую комиссію довольно почтенную, если впрочемъ не станутъ отвергать этихъ великихъ людей подъ тѣмъ предлогомъ, что они не ограничивались тѣснымъ кругомъ доказательствъ чисто чувственныхъ. Г. Ренанъ извлекаетъ большую для себя пользу изъ ложныхъ чудесъ, изобилующихъ въ языческихъ религіяхъ. Но вѣдь ложное чудо въ такой же мѣрѣ можетъ служить доказательствомъ противъ возможности истиннаго чуда, сколько плохое разсужденіе противъ ума. Мы охотно соглашаемся, что во всѣхъ человѣческихъ религіяхъ замѣчается инстинктивная потребность въ сверхъестественномъ. Это явленіе не доказываетъ ли, что человѣкъ инстинктивно чувствуетъ свою зависимость отъ всемогущаго и свободнаго Бога и что въ своемъ бѣдственномъ положеніи отъ Него одного ожидаетъ помощи? Основное качество христіанства именно въ томъ и состоитъ, что оно даетъ истинное удовлетвореніе этой глубокой и всеобщей потребности, которая внѣ него заблуждается и извращается. Да, человѣчество чувствуетъ себя слабымъ и жалкимъ; оно сознаетъ свое паденіе; посредствомъ всѣхъ своихъ мифовъ и отчаянныхъ усилій оно ищетъ тотъ чистый идеалъ красоты и истины, которыми некогда обладало и о которомъ хранитъ воспоминаніе. Это глубокое и болѣзненное чувство потери блага, которымъ обладало, а чувство, котораго внѣ христіанства ни одна система объяснить не могла, есть лучший отвѣтъ на то старое возраженіе противъ сверхъестественнаго, которое г.

Ренанъ заимствуетъ у холоднаго деизма, самъ первый смѣясь надъ нимъ. „Мы отрицаемъ чудо какъ исключеніе, какъ частное вмѣшательство, которое было бы подобно тому, какъ еслибы часовщикъ, сдѣлавъ очень хорошіе часы, отъ времени до времени налагалъ на нихъ руку, восполняя недостатки механизма.“ — Но міръ — не часы; онъ не имѣетъ ничего похожаго на искусственный механизмъ именно потому, что это — міръ свободы. Изъ этого слѣдуетъ, что міръ свободы можетъ отънестись отъ добраго пути. Вы говорите о механизмѣ, о часовыхъ колесахъ, и забываете о другой дѣйствующей силѣ — о свободной волѣ! Если вы ее допускаете, то легко понять, что нравственное существо могло уклониться отъ своего пути и направиться къ своей же гибели. Эта возможность зла есть вмѣстѣ и условіе верховнаго блага, свободно избраннаго и выполненнаго, но за то она содержитъ въ себѣ всѣ опасности, всѣ случаи опыта и искушенія. Ученіе христіанское утверждаетъ, что въ этой попыткѣ къ свободѣ нравственное существо и пало въ пропасть и что это такъ-достаточно услышать громкія, непрестанныя жалобы человѣчества, на свое безсиліе, на свои несчастія. При такихъ обстоятельствахъ, что бы помѣшало всемогущему и свободному Богу — когда онъ существуетъ и когда онъ вселюбящъ — протянуть руку спасенія погибающему роду? Эта рука спасенія и есть сверхъестественное, и отрицая его, надобно вмѣстѣ отрицать Бога на небѣ и свободу въ человѣкѣ и весь міръ совсѣмъ, что въ немъ находится подчинить желѣзному закону необходимости.

Я не останавливаюсь на последнемъ аргументѣ г. Ренана потому, что онъ заключаетъ въ себѣ сбивчивость столь странную, что его довольно только высказать. „Допустимъ, если угодно, говорить онъ, что основаніе христіанства представляетъ собою единственный фактъ. Но есть другой абсолютно единственный фактъ — это Еллинизмъ въ смыслѣ идеала совершенства въ литературѣ, искусствѣ, философіи, осуществленный Греціею.“ Побѣды, одержанныя скорбями и мученичествомъ во имя религіи, карающей всѣ природныя инстинкты человѣческаго сердца, представляютъ-ли хотя малѣйшую аналогію съ легкими успѣхами веселой религіи, обоготворяющей, подъ самыми утонченными формами стремленія народа, среди котораго она развивается и ставитъ на олтарь изображенія Греціи, изсѣченный изъ паросскаго мрамора?

Я не знаю болѣе рѣшительнаго опроверженія для натурализма г. Ренана, какъ представляемое имъ самимъ объясненіе основанія христіанской церкви и въ особенности вѣрованія первыхъ учениковъ въ воскресеніе Іисуса Христа. Онъ впадаетъ въ такія противорѣчія, что постоянно поражаетъ и оскорбляетъ разумъ. Онъ прибѣгаетъ къ теоріямъ пошлаго раціонализма, которыя, кажется, уже давно должны быть осмѣяны. Какъ бы онъ ни подкрашивалъ своей рѣчи, какъ бы ни золотилъ своего разсказа, авторъ никакъ не можетъ придать ему достоинства; рѣзкія краски въ его картинѣ такъ и бросаются въ глаза.

„Ученики Христовы,“ говоритъ Ренанъ въ нача-

лѣ главы о воскресеніи. „ Въ первые часы, послѣдовавшіе за его смертію не имѣли никакого твердаго ожиданія. Чувства о которыхъ они наивно повѣствуютъ, даже заставляютъ предполагать, что они считали все конченнымъ.“

Авторъ не задаетъ себѣ труда избѣжать перехода отъ этого сказанія, во всѣхъ пунктахъ согласнаго съ евангельскимъ повѣствованіемъ, къ сказанію прямо противоположному. „Смерть,“ прибавляетъ онъ на слѣдующей страницѣ, „представляется чѣмъ то такимъ неразумнымъ, когда она поражаетъ геніальнаго человѣка или человѣка съ высокими чувствами, что народъ не вѣритъ возможности подобной ошибки со стороны природы. Герои не умираютъ. Обожаемый учитель въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наполнялъ радостию и надеждою множество окружавшее его. Можно ли допустить, чтобы онъ истлѣвалъ во гробѣ? Нѣтъ, онъ слишкомъ много развивалъ жизни въ окружающихъ, чтобы они могли не утверждать, послѣ его смерти, что онъ все таки живъ.“ Здѣсь авторъ выше всякой мѣры злоупотребляетъ гегелианскимъ принципомъ, который выводитъ утверженіе изъ отрицанія. Отвергая дѣйствительность воскресенія, онъ находится въ необходимости, для объясненія столь всеобщаго и столь глубокаго вѣрованія всей церкви, приписывать первымъ христіанамъ такое состояніе энтузіазма и изступленія, которое ихъ дѣлало какими то духовидцами или мечтателями. А между тѣмъ оказывается, что они именно были въ противоположномъ состояніи, то есть упавшими

духомъ и смущенными. Авторъ, какъ мы видѣли, самую очевидностию былъ вынужденъ признать, что ученики послѣ распятія упали духомъ. Откуда же вдругъ взялась у него эта пламенная атмосфера, изъ которой возникаютъ иллюзіи? Гдѣ же эта слѣпая и пламенная любовь, которая сама собою подниметъ камень гроба и даетъ дѣйствительность и жизнь грезамъ учениковъ Христовыхъ? По мнѣнію г. Ренана, это просто магія вызвала обожаемый призракъ; это возбужденная страсть Маріи Магдалины, которая только перемѣнила предметъ обожанія. Но, по его собственному признанію, ни Марія Магдалина, ни другія женщины и ученики и не думали ни о чемъ, кромѣ настоящаго; они думали, что все кончено. А потому видно нужно отказаться отъ психологическаго объясненія, ибо такъ какъ вѣра въ воскресеніе не можетъ быть приписана моральному состоянію учениковъ Иисусовыхъ, то автору приходится говорить о внѣшнихъ обстоятельствахъ. Потому то послѣ разноречивой мистической болтовни онъ возвращается къ пошлымъ объясненіямъ Павлюса и Бретшнейдера.

Дѣйствительно, я не думаю, чтобы можно было выдумать болѣе жалкое объясненіе. — Точкою отправленія религіознаго переворота, совершившагося въ горницѣ, гдѣ была тайная вечеря, служитъ тотъ фактъ, что гробъ нашли пустымъ. Мы сейчас увидимъ, что должно думать объ этомъ обстоятельстве. Двѣ встрѣчи повергли Марію Магдалину въ то умственное восхищеніе, которое она съ такимъ успѣхомъ умѣла сообщить другимъ. Прежде всего

она встрѣтила у гроба человѣка, одѣтаго въ бѣлую одежду. Этого было достаточно для того, чтобы она увидѣла въ немъ ангела и чтобы ей показалось, что она услышала отъ него полное объясненіе воскресенія учителя. За тѣмъ чрезъ нѣсколько мгновеній она встрѣчаетъ незнакомца, можетъ быть садовника, ей кажется, что она слышитъ отъ него таинственныя и трогательныя слова и вотъ она идетъ и объявляетъ всѣмъ, что видѣла Іисуса. Такое же происшествіе случилось того же дня съ учениками, шедшими въ Эммаусъ. — По словамъ евангелія, они совершенно убѣждены въ смерти своего Учителя; тѣмъ не менѣе обыкновенный случай—ужинъ съ однимъ изъ путешественниковъ, котораго они встрѣтили на дорогѣ, на поминъ имъ веселыя трапезы съ Іисусомъ, „за которыми, подъ вліяніемъ тонкаго вина, они предавались любезнымъ бесѣдамъ.“ И вотъ они не сомнѣваются ни одну минуту въ томъ, что видѣли его самаго. Но дальше еще лучше. Въ Іерусалимѣ, апостолы собранные въ горницѣ, подвергаются сильноту порыву вѣтра. Они не колеблются принять вѣтеръ за знакъ присутствія Господа и въ воѣ вѣтра они слышатъ выразительно слѣдующія слова: „Миръ вамъ.“ На берегу Тиверіадскаго озера, рыба на жаровнѣ напоминаетъ ученикамъ о любимомъ кушаньѣ Учителя, когда они обитали съ нимъ на этихъ мирныхъ берегахъ. А отъ этого воспоминанія до того, чтобы повѣрить, что вотъ Онъ только что прошелъ мимо ихъ и обѣдалъ и бесѣдовалъ съ ними—одинъ шагъ. Петръ во снѣ

слышать нѣжный и грустный призывъ. Того года кто
кого онъ недавно отрекался. Высокая бестѣпная
реданная св. Иоанномъ, гимнъ такое же происхожде-
женіе. Всякій разъ, когда солнце заходитъ, учени-
ки видятъ на небѣ, благодаря прозрачности воз-
духа, черты лица Воскресшаго. Однажды вечеромъ
болѣе пяти сотъ душъ подверглись такому оболе-
ненію чувствъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того прие-
падокъ лихорадки производитъ подобное же дѣй-
ствіе на фарисея Тарсійскаго в Павла. Этотъ болѣ-
зненный припадокъ особенно занимаетъ Ренана
ибо онъ насъ извѣщаетъ, что съ нимъ самимъ была
подобный случай въ Бейрутѣ, изъ чего можно за-
ключать, что если бы его лихорадка болѣе прод-
лилась, то онъ могъ бы продолжать апостольское
служеніе св. Павла. Нельзя не пожалѣть, что отъ
Ренанъ такъ скоро выздоровѣлъ, ибо если бы онъ
и не былъ потерянъ для французской литературы,
все же бы онъ избавилъ насъ отъ своей жалкой
книги. Извѣстно знаменитое объясненіе чуда св.
Іоною, сдѣланное лѣтъ пятьдесятъ назадъ пошлы-
ми рачіоналистами. Они говорили, что пророкъ
былъ не въ китовомъ чревѣ, а три дня мирно про-
велъ въ гостиницѣ подъ вѣвѣскою кита. И вы-
сокая критика отъ Ренана, не смотря на всѣ свои
претензіи на какое то жречество и мистическія озж-
ліянія, обитаетъ подъ этою же вѣвѣскою, въ той же
знаменитой гостиницѣ кита. *и не дѣлаетъ ни шагу*
Изъ разсказаннаго выше слѣдуетъ, что овсѣ эти
люди и женщины, думавшіе, что все кончилось,
послѣ, вдругъ, вследствие самыхъ незначительныхъ

обстоятельствъ, стали думать что все еще только начинается. Ничего не можетъ быть проще этихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ они, по мнѣнію автора, привели эти упавшія духомъ и пришедшія въ уныніе души въ сильное экзальтированное состояніе, совершенно безпричинное. Эта экзальтація, этотъ сонъ наяву повторился съ сотнями людей; онъ продолжался цѣлые годы и не кончился холоднымъ пробужденіемъ разсудка, и даже въ видѣ тюремъ и мукъ; эта экзальтація, этотъ сонъ наяву продолжается и теперь, и ему-то принадлежитъ все великое, все благородное въ новой исторіи! Не довольно ли противорѣчій? — Видно, нѣтъ, потому что авторъ для довершенія изобрѣтательности не колеблется исчезновеніе тѣла Іисусова объяснить посредствомъ недостойнаго обмана, который онъ очевиднымъ намекомъ приписываетъ Маріи Магдалинѣ, одной изъ внушающихъ участіе бѣсноватыхъ, одной изъ обратившихся грѣшницъ, которыхъ авторъ признаетъ истинными основательницами христіанства, оставленная въ пещерѣ на плащаница и пелена, тщательно сложенная въ углѣ, заставляютъ думать, что тутъ была рука женщины. Душа женщины, подъ вліяніемъ увлеченія, способна къ самымъ страннымъ иллюзіямъ. Часто она становится жертвою своихъ собственныхъ видѣній. Въ подобныхъ происшествіяхъ, возводимыхъ на степень чуда, нѣтъ намѣреннаго обмана съ чьей-либо стороны, но все неумышленно содѣйствуютъ общему обольщенію. Марія Магдалина была, выражаясь языкомъ того времени, «обладаема семью бѣсами.» —

Надобно взять въ расчетъ ограниченность ума восточныхъ женщинъ, совершенный недостатокъ въ нихъ воспитанія и особенный оттѣнокъ въ ихъ искренности (кто насъ избавить отъ этихъ оттѣнковъ?)—Экзальтированное убѣжденіе дѣлаетъ невозможнымъ совершенное самообладаніе. Когда вездѣ видишь небо, то по временамъ можетъ казаться, что и самъ находишься въ небѣ. Но закроемъ завѣсою эти тайны. Во время религіозныхъ переворотовъ, когда все признается божественнымъ, великія явленія могутъ происходить изъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. Наши старыя соборы считаются прекраснѣйшими въ мірѣ: подъ ихъ своды нельзя войти, не почувствовавъ нѣкотораго смущенія предъ безконечнымъ. И всѣ эти чудеса заключаютъ въ себѣ какой нибудь маленькій обманъ строителя... Да, впрочемъ что за важность? въ подобныхъ вещахъ важенъ результатъ. Вѣра очищаетъ все!

Разорвемъ эту ложную завѣсу, на которою намъ предлагаютъ закрыть всѣ тайны; постараемся найти прямой смыслъ въ этихъ рѣчахъ, въ которыхъ слова потеряли свое естественное значеніе; посмотримъ, что скрывается подъ этими хитрооплетенными фразами. Да ни болѣе ни менѣе какъ то, что вѣра въ воскресеніе родилась изъ обмана. Но это давно уже сказала Веймарусъ, и съ этою только разницею, что поводомъ къ обману онъ не думалъ выставлять пламенную любовь къ учителю истины. Это болѣзненно странное смѣшеніе понятій принадлежитъ нашему времени. Я краснѣю при мысли

о необходимости опровергать это толкованіе, ибо не знаю болѣе скорбительнаго для челоуѣчества. Такимъ образомъ то величественное ривданіе церкви, которое не есть какой нибудь простой соборъ, а духовный храмъ, пріосѣнившій такое множество поколѣній, основанъ на обманѣ и ложномъ видѣніи! Въ обманѣ и лжи первые христіане почерпали ихъ несокрушимое мужество! „Въ минуту смерти Магомета, говоритъ Ренанъ, Омаръ вышелъ изъ его палатки съ саблею въ рукахъ и объявилъ, что онъ снесетъ голову тому, кто осмѣлится утверждать, что пророка нѣтъ и болѣе.“ Удивительное сближеніе! Вѣдь апостолы проповѣдывали воскресеніе Господа безъ сабли въ рукахъ; а они проповѣдывали подъ сѣкирою палачей. Не правда ли, есть маленькое различіе? Странно, что при подобной манерѣ разсуждать осмѣливаются прилагать къ христіанину старинную поговорку: *credo, quia absurdum!* Безсмыслица, и прибавлю — безнравственная безсмыслица, на сторонѣ тѣхъ, которые женскимъ легкомысліемъ думаютъ объяснить торжество евангелія и считаютъ возможнымъ обновленіе міра безъ воскресенія Христа! Марія Магдалина, въ послѣдствіи, также обоготворила своего учителя; какъ въ средніе вѣка куртизанка произвела кого-то въ папы, и вотъ какія низкія интриги господствуютъ надъ душами. Безмысленно, и ноюдо этихъ постыдныхъ крайностей доводить отрицаніе сверхъестественнаго, которое нынѣ многіе охотно считаютъ единственнымъ средствомъ поддержать челоуѣческое достоинство.

Пока у насъ сохранится чистая совѣсть и здравый разсудокъ, подобная философія исторіи всегда будетъ возбуждать отвращеніе.

Въ отношеніи къ силѣ критики „Исторія Апостоловъ“ не представляетъ ничего новаго. Авторъ и въ новомъ сочиненіи своемъ ставитъ себя въ такія же противурѣчія, какъ и въ „Жизни Іисуса.“ Онъ признаетъ подлинность документовъ перваго вѣка, и тѣмъ не менѣе отрицаетъ въ нихъ всякое историческое значеніе и видитъ въ нихъ просто тушу легенды. Страусъ находилъ, что тридцати лѣтъ достаточно для образованія мѣта и обращалъ все въ мѣта, относя появленіе главнѣйшихъ книгъ Новаго Завета къ концу перваго вѣка. Тюбингенская школа пошла дальше и отнесла ко второму вѣку всю литературу перваго. Безъ сомнѣнія, для этого нужно самое странное обращеніе съ текстомъ и неограниченный произволь въ хронологической оцѣнкѣ документовъ. Но при всемъ томъ еще можно допустить, что по истеченіи столь значительнаго времени можно было несомнѣнные факты историческіе обратить во что-то въ родѣ христіанской мѣологии. Не такова критика Ренана: онъ до такой степени извращаетъ событія, что въ нихъ почти нельзя подмѣтить слѣдовъ современныхъ повѣствователей. Не говоря о евангеліяхъ, понятіе, которое онъ даетъ о Дѣянїяхъ, совершенно несомнѣнимо съ временемъ, въ которомъ книга эта явилась, по его мнѣнію. Онъ приписываетъ эту книгу св. Лукѣ, спутнику св. Павла, относить ее къ 80 году, и однако видитъ въ Дѣянїяхъ по боль-

ней части вымышленный рассказ, назначенный къ тому, чтобы смягчить разнорѣчія объ апостольскомъ вѣкѣ и чтобы устроить посмертное примиреніе между Петромъ и Павломъ, разсматриваемыми какъ главы враждебныхъ партій. Это простое воспроизведеніе любимой темы Баура, хотя тюбингенскіе теологи остерегались приписывать книгу Дѣяній св. Лукѣ.

Но какъ только придумана мысль о междусобной войнѣ внутри первоначальной церкви, то надобно довести ее до конца и не говорить о примиреніи пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Петра и Павла. Какъ допустить, чтобы ученикъ великаго апостола язычниковъ возстановлялъ славу своего соперника и простеръ бы угодливость до того, чтобы отрицалъ въ своемъ учителѣ апостольское достоинство, какъ разсказываетъ г. Ренанъ? Если онъ хочетъ поддерживать положенія тюбингенской школы, то нужно принять и ея фантастическую хронологию. Нельзя, отвергая послышки, принимать выводъ. Это не допускается въ наукѣ. Что до насъ, то мы принимаемъ вполне подлинность Дѣяній апостольскихъ, но отказываемся видѣть въ нихъ уклончивую книгу, въ которой авторъ искусною рукою старается поддержать равновѣсіе между двумя враждебными стремленіями. Въ книгѣ Дѣяній говорится о соглашеніи потому, что оно прежде произошло на самомъ дѣлѣ, какъ легко убѣдиться въ томъ изъ 2 главы посланія къ Галатамъ, въ которой св. Павелъ прямо говоритъ, что онъ подалъ Петру и Якову руку на сотоваришество. Мы

не умѣемъ находить дипломатическихъ тонкостей въ этой книгѣ столько трогательной, столь полной искренности, движущей тѣмъ пламеннымъ и чистымъ духомъ, который воодушевилъ церковь сперва въ сіонской горницѣ, а послѣ въ Антиохіи. Легко представить себѣ, что дѣлается съ книгою Дѣяній въ рукахъ Ренана. Въ его рукахъ это-мягкая глина, изъ которой онъ лѣпитъ что ему угодно. Онъ извлекаетъ изъ нея что хочетъ или вѣрнѣе что ему нравится и то — въ формѣ сомнѣній. Никто еще не умѣлъ такъ во зло уповреблять слово „можетъ быть.“

Очень любопытна глава, которую авторъ посвящаетъ римскому міру. Въ ней столько противорѣчій что они утомляютъ самаго терпѣливаго читателя. Очевидно, Ренану хотѣлось бы разуврасить время Цезарей, но онъ стѣсняется, тѣми чудовищами, которыхъ оно произвело. Онъ изловчается тѣмъ, что Тиверія похваляетъ за финансовую ловкость. Въ пользу Нерона, „отвратительнѣйшаго человѣка,“ говорится, что онъ имѣлъ мудрость на-дать положеніе о налогахъ, не помѣшавшее ему впрочемъ сдѣлать прекрасную экономическую операцію, состоявшую въ томъ, что онъ сжегъ половину Рима. Калигулой очевидно авторъ пожертвовалъ; спасибо и за то! Авторъ говоритъ нѣсколько жесткихъ словъ о низости льстецовъ, составлявшихъ дворъ Цезарей, но такъ какъ они выучились ползаты на востокъ, откуда выходили, то ихъ низость не имѣетъ особеннаго значенія. Въ концѣ концовъ, правленіе Цезарей было наилучшимъ для

того времени правительством и оно дало свободу мысли и религии въ большей степени, чѣмъ древняя республика; Культура римскаго міра, идея великой демократіи, образовавшеяся подъ опекою Рима, были основаніемъ всѣхъ идей, такъ что, не смотря на лихоимство правителей и на насилія, неизбѣжныя съ абсолютизмомъ, міръ во многихъ отношеніяхъ никогда еще до того не былъ такъ счастливъ. Никогда еще человекъ не желавшій мѣшаться въ политику не жилъ болѣе свободно. Въ древнихъ республикахъ, въ которыхъ каждый долженъ былъ заниматься борьбой на ринѣ, жилось гораздо спокойнѣе. Тамъ вѣчно были перевороты и измѣненія. Покушенія противъ свободы шли болѣе отъ того, чѣмъ еще осталось свободно въ провинціяхъ, съѣмъ оръ римской администраціи. Попятно рѣшительнѣе въ тѣхъ, которые не терпят помысла въ своемъ радостномъ созерцаніи вселенной готовы смолчать всякую несправедливость и поклоняться всякому ти долу, обожаемому толпою. Для нихъ именно римскій міръ и былъ установленъ. Нигдѣ шумственный диллегантизмъ не можетъ лучше процвѣтать, какъ подъ скипетромъ римскихъ Цезарей. Честныя сердца подъ этими скипетромъ не такъ это будутъ спокойны; малѣйшаго неудовольствія передъ оскорбляющимъ преступленіемъ будутъ достаточно для того, чтобы великій гражданинъ авскрылъ жабъ жилы. Не говорите, знамя ю благоденствія, которое можно купить только за нѣзлетьюг. Принудительныя одуреть быть и довольны подьякомъ, въ далью да дпвннцы, даню жару и еще ин-

дифферентные писаки, которые полагают, что Тразеа был очень простодушенъ и думаютъ только о томъ, какъ бы ихъ не беспокоилъ то- лось свободнаго народа. Но и этимъ писателямъ, этимъ любителямъ изящнаго, несовсѣмъ выгодно подь покровительствомъ Цезарей, ибо отчего же происходитъ въ эту эпоху упадокъ литературы, на который Ренай жалуется въ одной изъ лучшихъ своихъ страницъ? Откуда происходятъ эта пусто- та мысли, поклоненіе фирмъ, изысканные обороты и мишура словъ? Не знаетъ ли онъ, что здравыя и честныя мысли исчезаютъ вмѣстѣ съ политиче- скою свободою? Литература становится пустою забавою, поэтъ — гафомъ, ораторы — придворнымъ шутомъ. Неудивительно, если въ такое время фо- куснику литературному предпочитаютъ плясуна на канатѣ, неудивительно, что Апулей во время уче- нія своихъ флоридъ, увидѣлъ себя всѣми оставлен- нымъ для какого паяца. Свобода есть первая изъ земныхъ музъ и когда ее изгоняютъ, искусство не только падаетъ, но его совсѣмъ оставляютъ; пустыя пѣсенки предпочитаютъ истинной поэзіи и непри- личныя волшебныя пьесы безсмертнымъ твореніямъ. Поэтому мы и говоримъ тѣмъ, которые говорятъ, что они исключительно преданы искусству; они ищете правды и свободы, а искусство придетъ самою собою. Говоря о свободѣ, мы разумѣемъ не эту свободу

Публий Тразеа Петъ сановинъ римскій былъ ненави- димъ Нерономъ и осужденъ имъ на смерть, при чемъ предо- ставленъ былъ ему выборъ смерти. Онъ велѣлъ пустить себя изъ жилъ кровью Реданъ

торговли и промышленности, которую Ренанъ ставитъ въ заслугу Цезарямъ. Промышленная свобода очень хорошая и полезная вещь, которую не должно пренебрегать, но мы готовы почувствовать къ ней отвращеніе, если ее представляютъ какъ вознагражденіе за свободу души и совѣсти.

Г. Ренанъ возвращается къ положенію Гиббона о вѣротерпимости въ эпоху Цезарей. По его мнѣнію, она была несравненно шире, чѣмъ въ древнихъ республикахъ. Однако, несмотря на то, что число уважаемыхъ вѣрованій было гораздо меньше въ скептическомъ Римѣ Тиверія и Нерона, чѣмъ въ Афинахъ во время Сократа, государство предписывало свои вѣрованія съ неменьшею строгостію. Оно отворяло свой Пантеонъ всѣмъ богамъ, но осудило на смерть учениковъ истиннаго Бога, не хотѣвшихъ воспользоваться этою терпимостію, подъ которою скрывалась горькая иронія надъ всѣми положительными вѣрованіями. Но былъ одинъ культъ, который и во что бы то ни стало слѣдовало принять, это поклоненіе Цезарю, и кто отъ него отказывался, того отсылали въ изгнаніе.

Ренанъ говоритъ намъ, что „хотя Римская Имперія по временамъ преслѣдовала христіанство, но все таки не остановила его.“ Мы, право, не знаемъ чему онъ тутъ удивляется. Просто палачи устали прежде своихъ жертвъ, что немного дѣлаетъ чести первымъ. Безсмысленно думать, будто Римская Имперія представляетъ намъ образъ свѣтскаго государства, государство безъ религіи; напротивъ Римъ всегда утверждалъ, что только тѣ религіи

терпимы, которые получили одобрение Цезаря, и христианство было преслѣдуемо не какъ подозрительное общество, а какъ чуждая религія.

Г. Ренанъ начерталъ крайне не ясную картину моральнаго состоянія міра при началѣ нашей эры. Въ одномъ мѣстѣ своей книги, онъ говоритъ, что тогда была ужасающая нравственная испорченность и вельдъ за тѣмъ поправляется, говоря, что представленное св. Павломъ изображеніе нравовъ того времени слишкомъ преувеличено. Онъ утверждаетъ, что семейныя добродѣтели процвѣтали въ среднемъ класѣ, какъ-будто мы не читали „Золотаго Осла“ Апулея, переносящаго читателя именно въ деревни и маленькіе города подалеже отъ Рима, который, по словамъ автора, одинъ погрязалъ въ порокахъ. Изъ того, что Сенека защищаетъ рабовъ, авторъ выводитъ заключеніе, что рабы благоденствовали и забываетъ страшныя подробности, во множествѣ изобилующія въ томъ же сочиненіи, на которое самъ ссылается. Если вѣрить автору, въ Римѣ благотворительность была развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; это—неслыханное преувеличеніе. Правда, онъ претересно объясняетъ развитіе благотворительности. „Въ глубокой древности міръ не нуждался въ благотворительности. Міръ былъ тогда юнъ, крѣпокъ; не было нужды въ больницѣ. Человѣкъ въ ту пору былъ еще чистъ и счастливъ, можно было еще не обращать вниманія на зло.“

Изъ этого слѣдуетъ, что развитіе благотворительности совпадаетъ съ старѣніемъ міра. Благо-

творительность — есть добродѣтель устарѣвшихъ поколѣній, какъ не вкусный напитокъ, предлагаемый вмѣсто добраго вина, разслабленному и истощенному старику.

Съ какимъ изысканнымъ искусствомъ умѣетъ авторъ отнимать отъ христіанства все его заслуги. Онъ хотѣлъ уменьшить блескъ ореола мученичества на челѣ христіанства, говоря, что все таки оно было щадимо, ибо не помѣшали же ему развиваться, а теперь ставить ни во что то, что оно поддерживало и утѣшало такое множество несчастій.

Слѣдуя тойже методѣ, авторъ увѣряетъ, что Римъ, за исключеніемъ весьма немногихъ избранныхъ, былъ погруженъ въ грубѣйшее невѣжество и готовъ былъ подчиниться всемъ предразсудкамъ. Такимъ образомъ онъ хочетъ уменьшить значеніе торжества галилейскихъ рыбаковъ, побѣдившихъ древнюю культуру. Онъ остерегается сказать, что они нашли послѣдователей во всѣхъ слояхъ общества. Выводъ изъ этой странной и изворотливой главы заключается въ томъ, что стоицизмъ несравненно выше христіанства, ибо чрезъ своихъ коронованныхъ учениковъ далъ Риму его блистательныхъ лѣтъ. Впрочемъ стоицизмъ прежде чѣмъ мучить христіанъ, самъ много пострадалъ въ борьбѣ съ Цезарями. Ренанъ насчитываетъ около двухъ стоиковъ, умершихъ за правду, и даетъ намъ понять, что они, вознагражденные апотеозомъ, по достоинству и мужеству выше учениковъ Христа, не столь безкорыстныхъ. Очевидно, что съ одной стороны, набрасывая тѣнь на все великое въ хри-

стіанствѣ, а съ другой возвышая всѣ языческія знаменитости, можно безъ труда достигнуть своей цѣли; особенно предъ тѣми, кто не слѣдилъ за изворотами извилистыхъ толкованій автора. Къ счастью, нельзя окончательно извратить исторію. Для всякаго безпристрастнаго человѣка всегда будетъ очевиднымъ то, что христіанство явилось въ обществѣ насквозь испорченномъ, не смотря на блистательную внѣшность и утонченнѣйшую образованность; что оно шло впередъ, не боясь жесточайшихъ гоненій отъ отвратительныхъ деспотовъ облеченныхъ въ кровавый пурпуръ и въ сущности только исполнявшихъ волю фанатической толпы; что хотя оно и встрѣтило нѣсколько чистыхъ человѣческихъ понятій, тѣмъ не менѣе христіанство съ современною жизнью, по нравственной чистотѣ и милосердію своихъ послѣдователей, представило поразительную противоположность, и наконецъ что торжество христіанства есть великое чудо, достаточно доказывающее вышечеловѣческое происхождение его.

Мы не будемъ слѣдовать за разказомъ г. Ренана объ апостольскихъ путешествіяхъ. Было бы утомительно и бесполезно поправлять всѣ его невѣрныя показанія. Придерживаясь своего правила во всемъ сомнѣваться, онъ переиначиваетъ факты самыя простыя. Но самое худшее изъ его невѣрныхъ показаній — что онъ даетъ всей картинѣ совершенно ложный колоритъ, что наконецъ приводитъ въ негодованіе. Никогда авторъ не расточалъ столько словъ съ намѣреніемъ, удивить чи-

тателя, и отвести его глаза въ сторону, такъ что наконецъ изумляешься не громкимъ его фразамъ, а уже только весьма рѣдкой у него простотѣ изложенія.

Мы знаемъ его намѣреніе: онъ старается посредствомъ самыхъ незначительныхъ явленій объяснить великое преобразование міра христіанствомъ, какъ не заключающее въ себѣ ничего сверхъестественнаго. Сперва мы видѣли, что онъ уменьшаетъ, на сколько возможно, противорѣчіе между язычествомъ и церковію, признавая ее не болѣе какъ плодомъ естественныхъ стремленій того времени. Какъ и все лучшее въ человѣчествѣ, церковь, проникнутая великодушнымъ порывомъ, коснувшись всѣхъ сердець и умовъ, имѣла счастье достигъ успѣха, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ. Взглянемъ бѣгло на средства, коими была достигнута эта великая побѣда, по мнѣнію г. Ренана, и спросимъ, есть ли какое нибудь соотвѣтствіе между причиной и ея слѣдствіями?

Замѣтимъ сперва, до какой степени авторъ ограничиваетъ значеніе личности апостоловъ въ развитіи церкви въ Іерусалимѣ. Онъ говоритъ объ нихъ какъ о какомъ то безыменномъ обществѣ, не только по своему финансовому устройству, но и по общему ходу дѣйствій. До св. Павла, нѣтъ твердаго правленія въ этомъ пламенномъ воинствѣ духовныхъ завоевателей міра; оно подвигается впередъ „величественно и массами,“ какъ безпорядочная войска Сантера въ долинахъ Вандеи. На основаніи всѣхъ первоначальныхъ документовъ, Петръ

играетъ первенствующую роль въ Иерусалимской церкви; онъ, — человекъ инициативный — возвышаетъ голосъ предъ народомъ или синедриономъ. Его сильная и пылкая натура, со времени обновленія въ окончательномъ переломѣ, обнаруживаетъ драгоцѣнные качества. Вотъ это то и упустилъ изъ виду г. Ренанъ, хотя могъ бы по своему воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, ибо къ чести человечества должно признать, что идеи дѣйствуютъ на него не какъ разсѣянные стихіи или неопредѣленные силы и пріобрѣтаютъ надъ нимъ власть не иначе, какъ ставши въ нѣкоторомъ смыслѣ плотию и пріобрѣвши индивидуальный характеръ. Такимъ только способомъ идеи становятся моральною силою. А Ренанъ въ своей исторіи апостоловъ забылъ сказать объ одномъ — объ Апостолахъ.

Если бы насъ спросили: какія средства, по мнѣнію Ренана, подготовили торжество церкви, то мы можемъ указать на три главнѣйшія: прежде всего смѣсь шарлатанства и простодушія при употребленіи нѣкоторыхъ медицинскихъ секретовъ; послѣ демократическій социализмъ, который такъ нравился бѣднымъ, и наконецъ колдовство, столь сродное народу, изъ котораго вышли первые миссіонеры. Такими то путями галилейская секта покорила всѣ сердца и почти что сама была увлечена непреодолимою популярностію.

Перечитайте главу о первой проповѣди въ Самаріи и вы увидите, какъ правы ли мы, приписывая изобрѣтенію автора первое изъ названныхъ выше средствъ. Вотъ собственныя его слова по поводу

спора апостоловъ съ Симономъ — волхвомъ: „должно ли допустить, что однажды стояли два: чудесника другъ передъ другомъ, изъ коихъ одинъ былъ шарлатанъ, а другой тотъ камень, который послужилъ основаніемъ вѣры цѣлаго человѣчества? Чародѣи могъ ли держать въ своихъ рукахъ судьбы христіанства? мы этого не знаемъ. Въ исторіи только главная идея важна. Было бы несправедливостью останавливаться надъ тѣмъ, что есть оскорбительнаго на этой печальной страницѣ исторіи происхожденія христіанства. Для людей непросвѣщенныхъ изъ чуда возникаетъ ученіе, а для насъ ученіе заставляетъ забыть о чудѣ, каково бы оно ни было. Если какое нибудь вѣрованіе утѣшило и улучшило человѣчество, то можно простить тѣ сообразныя съ умственной слабостію народа средства которыя были употреблены для насажденія вѣрованія.“ Стоитъ замѣтить этотъ странный способъ разсужденія, который состоитъ въ томъ, чтобы высказавъ предположеніе чисто въ формѣ голой гипотезы, вслѣдъ за тѣмъ дѣлать изъ него точный и твердый выводъ, какъ будто гипотеза уже доказана. Эта страница изъ исторіи христіанства была бы печальною только въ такомъ случаѣ, если бы было справедливо, что Петръ соперничалъ въ шарлатанствѣ съ Симономъ. Но авторъ объявляетъ, что у него нѣтъ никакого для этого доказательства. Что было бы съ нашею честию и свободою, если бы въ судахъ обвинительныя акты составлялись съ такимъ же вѣроломствомъ? Ренанъ не напрасно выражаетъ сомнѣніе: онъ дѣйст-

вительно убѣжденъ, что первые христіане, какъ и учитель ихъ, не колеблясь прибѣгали къ ложнымъ чудесамъ. Вѣдь говоритъ же онъ, что они имѣли нѣкоторыя познанія въ народной медицинѣ и съ рѣдкимъ искусствомъ употребляли помазаніе масломъ, „этимъ великимъ лекарствомъ у восточныхъ народовъ.“ „Иногда также теплота рукъ, живо сообщаясь головѣ, производила нѣкоторое облегченіе больному.“ — Но пропустимъ эти непристойныя шутки; авторъ считаетъ совершенно доказаннымъ, что апостолы, завѣдомо и намѣренно, прибѣгали къ чародѣйскимъ продѣлкамъ и что они соперничали въ шарлатанствѣ съ такими людьми, какъ Симонъ. Не стоитъ останавливаться и надъ удивительнымъ противорѣчіемъ, состоящимъ въ томъ, что апостолы соединяли въ себѣ пламенный энтузіазмъ съ самыми недостойными поступками: психологически, — это просто чудовищно, даже и для востока. Я только спрошу, почему бы это средство могло содѣйствовать торжеству церкви, ибо оно не представляетъ ничего новаго и, по признанію автора, было употребляемо и прежде и въ то время людьми, которыхъ онъ называетъ соперниками апостоловъ. Употребленіе магіи было всеобщее; оно было однимъ изъ видовъ мученія человѣческаго духа, искавшаго внѣ извѣстныхъ и явныхъ силъ природы, лекарства и помощи ему необходимыхъ. Скажутъ ли, что апостолы морально были выше прочихъ поклонниковъ магіи и что лично своему характеру они обязаны превосходствомъ надъ ними? Но въ такомъ случаѣ не на-

добно давать никакого значенія колдовству въ успѣхѣхъ первой проповѣди. Кромѣ того, если они прибѣгали къ этому средству, то они теряютъ всякое превосходство моральное; если апостолы кудесники, какъ и другіе, если они дѣлаютъ ложныя чудеса, то они не болѣе, какъ самые обыкновенныя обманщики. Въ нѣкоторомъ отношеніи, апостолы даже ниже ихъ, потому что если въ Самаріи колдовству они противопоставили колдовство, то морально они стали даже ниже Симона-волхва. Дѣйствительно, по сказанію Дѣяній, Петръ жестоко укоряетъ Симона за его просьбу даровать ему за деньги власть дѣлать чудеса; онъ угрожаетъ ему гнѣвомъ Божиимъ. Если же Петръ обладая секретомъ дѣлать ложныя чудеса, говорилъ укору Симону, то не игралъ ли онъ ужасную комедію, и не заслуживалъ ли бы онъ за то презрѣнія? Итакъ первое средство, первая выставленная Ренаномъ причина торжества христіанства ничего не доказываетъ: она только увеличиваетъ трудность понять удивительное торжество маговъ, вмѣстѣ и обманывающихъ и обманываемыхъ.

Перейдемъ къ другой причинѣ торжества христіанства. Ее г. Ренанъ развиваетъ съ особенною любовію. „Первоначальное христіанство, говоритъ онъ, можно назвать великою ассоціаціею бѣдныхъ. Иерусалимская церковь — это коммунистическій монастырь. Въ этомъ громадномъ ея вліяніи. Учрежденіе діаконовъ принесло чудесныя плоды. Въ немъ служеніе бѣдному возведено на степень богослуженія. Это провозглашеніе той истины, что соці-

альные вопросы должны быть на первомъ планѣ. Это истинное основаніе политической экономіи. Діаконы были лучшими проповѣдниками христіанства. Какъ организаторы, какъ экономы, какъ администраторы, они еще важнѣе. Они слѣдали не сравненно болѣе, чѣмъ апостолы, *остававшіеся въ Іерусалимѣ неподвижными на своихъ почетныхъ мѣстахъ*. Они—творцы христіанства, — того, что въ немъ солиднѣе и долговѣчнѣе. “Этотъ отрывокъ—сплетеніе противорѣчій. Апостолы остаются въ Іерусалимѣ на своихъ почетныхъ мѣстахъ—гдѣ вы это открыли? Конечно, не въ той книгѣ, которую вы будтобы руководствуетесь, т. е. не въ Дѣяніяхъ, ибо она показываетъ намъ апостоловъ неутомимыми въ путешествіяхъ во всѣ страны. Вамъ приходится прибѣгать къ пособію нелѣпыхъ легендъ, по которымъ двѣнадцать апостоловъ будто бы образовали въ Іерусалимѣ что-то въ родѣ коллегіи кардиналовъ, догматически рѣшающей всѣ спорные вопросы. Вы говорите, что діаконы всего болѣе распространили христіанство и намекаете, что милостыня, которую они подавали, а не ученіе ихъ, привлекли такія тысячи послѣдователей Христа. Но священныя книги говорятъ только о двухъ діаконахъ, отличавшихся въ проповѣди евангелія. Первый изъ нихъ Филиппъ, разговоръ котораго съ евнухомъ царицы ефіопской вы сами передаете. Не ужели онъ, бѣдный пѣшеходъ, могъ привлечь ко Христу милостынею богатаго вельможу, сидѣвшаго въ великолѣпной колесницѣ? Что же касается до діакона Стефана, то мы имѣемъ

вкратцѣ его проповѣдь. О чемъ же она говоритъ? О господствѣ бѣдныхъ, о новой социальной экономіи? И помину ни о чемъ подобномъ въ ней нѣтъ; она чисто учительная, она сильнѣйшее доказательство законности новой религіи. Что же касается до пріятнаго впечатлѣнія, которое производила проповѣдь діаконѣвъ, то мы только напомнимъ смерть перваго мученика, этого юнаго и пламеннаго проповѣдника. Діаконъ — первый мученикъ церкви.

Но вотъ еще большая странность. Осмѣливаются утверждать, что христіанство указало на социальныя истины какъ на важнѣйшія. А между тѣмъ его всего чаще упрекаютъ въ томъ, что оно не разбило рабскихъ цѣпей, что отказалось провозгласить всеобщую свободу и ниразу неступило на ту арену, гдѣ разсматриваются подобные вопросы. Мы думаемъ что было множество причинъ для того, чтобы апостолы остались апостолами, а не трибунами, и что христіанство не бралось за преобразование общественнаго устройства потому же, почему никогда не возбуждало движеній, которыя легко подавляются силою. Его особенность въ томъ именно и состоитъ, что оно объявило, что вопросы нравственные выше социальныхъ; что прежде всего слѣдовало преобразовать человѣка, а не общественное устройство; что слѣдовало исправить не машину, а того, кто ее дѣлаетъ и ею управляетъ. — „Ищите прежде царства Божія и правды его, сказалъ Христосъ, а остальное придетъ само собою. Царство мое не отъ міра сего.“ Это очень

далеко отъ основанія политической экономіи. Первые христіане въ Иерусалимѣ во все не стояли на соціальной почвѣ, а часто на религіозной; они повинувались святому увлеченію, величественному порыву, и лучшее доказательство того, что они не имѣли въ виду устанавливать новаго порядка общественнаго состоитъ въ томъ, что они предоставили своимъ послѣдователямъ удержать за собою свои богатства.—Вспомните слова св. Петра Ананія: владѣемое не твоимъ ли оставалось, и приобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось? Эта свобода оставалась полною въ церкви Иерусалимской. Самъ Ренанъ говоритъ; что „нѣсколько женщинъ занимали въ церкви видное мѣсто и дома ихъ служили мѣстами собраній.“ Если эти женщины сохранили въ своей собственности дома, то очевидно въ церкви не былъ предписываемъ коммунизмъ и о социализмѣ не можетъ быть рѣчи: учрежденіе діаконства до очевидности доказываетъ совершенно противное тому, что хотѣлъ доказать Ренанъ. Предположимъ, что въ церкви было полное общеніе имущества, и тогда вовсе нѣтъ надобности въ діаконахъ, т. е. въ лицахъ, назначеніе коихъ состояло въ раздачѣ милостыни; довольно было бы однихъ правителей ассоціи. Кто говоритъ о милостынѣ, тотъ предполагаетъ существованіе бѣдныхъ и богатыхъ и тѣмъ самымъ признаетъ существованіе соціальныхъ различій и отсутствіе соціальнаго равенства. Достаточно прочесть посланіе св. Іакова, этого достовѣрнѣйшаго представителя Иерусалимской церкви, чтобы видѣть, что со-

ціальныя различія дѣйствительно существовали и вели иногда къ прискорбнымъ столкновеніямъ. Одно изъ такихъ столкновеній было причиною учрежденія званія діаконовъ. Такимъ образомъ само собою падаетъ то, что авторъ утверждалъ, и остаются одни неосновательные намеки его. Кромѣ того, онъ попадаетъ въ положеніе нѣсколько смѣшное, изъ котораго не легко выйти. По нашему мнѣнію, въ нижеслѣдующихъ строкахъ искусство автора выказывается въ столь же выгодномъ свѣтѣ, какъ и его критика: „было чрезвычайно выгодно, особенно для людей неженатыхъ, промѣнивать участки земли на непрерывно доходные фонды въ страховомъ обществѣ, имѣя при томъ въ виду царство Божіе.“ Въ другомъ мѣстѣ авторъ увѣряетъ насъ, что Антиохійская церковь „составила капиталы при первыхъ миссіяхъ.“ Послѣ квартала милыхъ грѣшницъ, биржа съ ея операціями!.. Трудно придумать что нибудь болѣе логическое. Церковь, основанная въ горницѣ, тайной вечери, не болѣе какъ общество бережливыхъ холостяковъ! Это все равно, если бы въ газетахъ было напечатано, что „общество подвижнаго кредита со веѣмъ не то, что объ немъ думаютъ; оно не только гоняется за барышами, да и большими; нѣтъ, оно имѣетъ и мистическую сторону; оно хочетъ разсыпать свои благодѣянія подъ соломенными крышами и въ чердакахъ. Оно приходитъ въ умиленіе при мысли, что его барыши увеличиваютъ сбереженія мастераваго и молодой работницы. Слезы въ этомъ обществѣ, въ большомъ почетѣ? Этотъ прекрасный даръ, принадлеж-

ность добрыхъ и чистыхъ душъ,“ и здѣсь имѣть такую же сладость какъ нѣкогда въ Иерусалимѣ! Но будемъ говорить серьезно. Допустимъ на минуту, что христіанство въ началѣ было нѣчто иное, какъ организованный коммунизмъ; спрашивается, что новаго оно внесло бы въ міръ? Не говоря о вѣчной Шагіа—Муни, Египетъ имѣлъ своихъ терапевтовъ и Іудея Ессеевъ. Последняя секта, хорошо намъ извѣстная изъ разсказовъ Іосифа, олицетворяетъ коммунистическую жизнь въ пустыняхъ Палестины; она одна и вполне соответствуетъ начертанному Ренаномъ изображенію Иерусалимской церкви. При существованіи Ессеевъ зачѣмъ нужна церковь? Въ такомъ видѣ, въ какомъ ее Рисуетъ Ренанъ, она даже ниже ессеизма, котораго по крайней мѣрѣ нельзя обвинить въ обманахъ и ложныхъ чудесахъ. Итакъ и второе средство успѣха, т. е. демократическій социализмъ, должно быть устранено подобно первому, ибо социализмъ вовсе не составлялъ необходимой принадлежности первобытнаго христіанства. Это во все не значить, что мы не цѣнимъ удивительнаго милосердія, вызваннаго христіанствомъ! Нѣтъ, но характеръ христіанской благотворительности въ томъ и состоитъ, что она есть не обязанность по уставу монастыря и общины, а святое влеченіе обновленнаго сердца, которое знаетъ, что подъ смиренною крышею бѣдняка, оно служитъ своему Богу и Спасителю. Въ то время монастырь былъ не въ Иерусалимской горницѣ, этой славной колыбели церкви, но на раскаленныхъ пескахъ мертваго

моря, у Ессеевъ; или въ пустыняхъ Египта, у терапевтовъ. Прежде чѣмъ оставить выдуманный авторомъ Иерусалимскій монастырь, упомянемъ о странныхъ событіяхъ, которыя въ немъ, по словамъ Ренана, происходили. Я не говорю уже объ этой пародіи на богослуженіе, которое будто бы состояло въ припѣвѣ „аминь“ и въ дѣйствіяхъ, приличныхъ самому преувеличенному спиритуализму; я имѣю въ виду новый и несравненно болѣе важный намекъ, который позволяетъ все предполагать, ничего не объясняя и не доказывая. — „Ужасное впечатлѣніе, которое производили отлученія, говоритъ г. Ренанъ, и ненависть братіи могла дѣйствительно во многихъ случаяхъ имѣть своимъ послѣдствіемъ смерть. Убить отступника и богохульника, поразить тѣло, чтобы спасти душу, должно было казаться законнымъ. Надобно помнить, что то было время зилотовъ считавшихъ добродѣтелью *поразить кинжаломъ* отступника отъ вѣры, и не должно забывать, что нѣкоторые христіане были изъ зилотовъ. Разказы, подобные разказу о смерти Ананіи и Сапфиры, не смущали ничьей совѣсти. Энтузіазмъ и пламенная вѣра покрывали и извиняли все. И вотъ явилась въ свѣтъ власть, стоящая внѣ государства и располагающая жизнью гражданъ! Конечно, если бы римскія власти ограничились тѣмъ, чтобы воспретить іудеямъ и христіанамъ приложеніе къ дѣлу столь достойныхъ порицанія принциповъ, они были бы тысячу разъ правы.“ И такъ послѣ лжи съ благочестивою цѣ-

лію является уже убійство изъ фанатизма, такъ что выходитъ, что св. Петръ направлялъ кинжалъ Жака Клемана; а это въ значительной степени извиняетъ преслѣдованія на христіанъ отъ евреевъ и язычниковъ, ибо единственная ошибка Рима состояла въ томъ, что онъ смѣшалъ поступки, которыхъ никакое общество терпѣть не можетъ, съ свободою религіи.“ Выказавъ такія обвиненія противъ жертвъ и въ защиту ихъ палачей; слѣдовало бы доказать ихъ чѣмъ нибудь неопровержимымъ, ссылкой на какой нибудь документъ, ибо въ противномъ случаѣ приходится играть незавидную роль тѣхъ безчисленныхъ лжесвидѣтелей, которые въ римскихъ судахъ, обвиняя христіанъ въ тайныхъ и отвратительныхъ преступленіяхъ, не могли представить ни одной улики.

Мы не надолго остановимся на третьемъ условіи торжества христіанской религіи — такъ оно достойно осмѣянія. По мнѣнію г. Ренана, великою долею очарованія, которое она разливала вокругъ себя; церковь обязана тому, что она возникла на Іудейской и Сирійской почвѣ. Если вѣрить ему, еврей — первый пропагандистъ въ мірѣ, „не смотря на то, что онъ издаетъ скверный запахъ, не смотря на свою религіозную щепетильность, не смотря на свое доснящееся отъ нечистоты платье, на свою неловкость и свои большіе и вѣчно больные глаза, не смотря на занятіе самыми низкими ремеслами, какъ то доскутничество, покупка хлама, продажа спичекъ и т. д.“ — Но какъ этого очарованія не возможно отнести къ тѣмъ живописнымъ подробнос-

Тямъ, которыя авторъ почерпнулъ у современныхъ сатириковъ, то приходится отнести ихъ къ силѣ религіозной, а чрезъ это мы опять таки придемъ къ убѣжденію, что торжество христіанства зависѣло отъ духовныхъ причинъ, что именно Ренану хочется опровергнуть. Впрочемъ, безъ противорѣчія себѣ, онъ не можетъ признасть превосходства строгаго единобожія Ветхаго Завета надъ полувосточнымъ, полуплатоническимъ пантеизмомъ, который господствовалъ тогда въ школахъ и который всего лучше подходитъ къ собственному его ученію. Какъ бы то ни было, только онъ забываетъ рассказать намъ, что церковь привлекла къ себѣ столько евреевъ, церковь, которая попирала все ихъ предразсудки и возбуждала въ нихъ къ себѣ самую пламенную ненависть, ибо во всѣхъ преслѣдованіяхъ видно ихъ вліяніе. Начало христіанства ознаменовано сильною борьбою между церковію и синагогою. То, что Ренанъ силится выставить, какъ условіе успѣха, было препятствіемъ, ибо какимъ же образомъ распявшіе Христа вдругъ сдѣлались послѣдователями его учениковъ? Что же касается до сильнаго очарованія, заимствованнаго апостолами изъ ихъ сирійской національности, которое подобно „неясному образу въ облакахъ небесныхъ“ и „которое какъ золотое вино ливанское, быстро опьяняя, производитъ неувимое наслажденіе,“ то мы отказываемся понять эту блестящую галиматью. Это очевидно заимствовано изъ слишкомъ извѣстныхъ разсужденій г. Мишле о восточной женщинѣ, которую онъ представляетъ какъ

самую пріятною изъ миссіонеровъ. Ренанъ низводитъ ее въ „бѣсноватую сирійскую, помѣшанную на идеалѣ, женщину, чувство которой болѣзненно оскорблено и которая для своего исцѣленія ожидаетъ только добраго слова, ласковаго взгляда. Христіанство въ первомъ и во второмъ вѣкѣ было по преимуществу сирійскою религіею.“ Кто насъ избавитъ отъ этой возмутительной метафизики или—вѣрнѣе—будуарной физики?

Подъ всѣми этими разсужденіями скрыта та мысль, что христіанство восторжествовало потому, что примѣнялось къ народнымъ инстинктамъ въ ту пору унадка. Очень легко дойти до такого заключенія, если предварительно представить христіанство какъ льстивую религію, въ которой энтузіазмъ не исключаетъ лжи и уживается съ хорошо понятымъ интересомъ, какъ религію, которая при томъ никогда не отказывалась отъ любезной веселости, заимствованной ею у своего главы на вечернихъ собраніяхъ и къ которой она обращалась послѣ подвиговъ фанатическихъ. Не будемъ останавливаться на этой карриатурѣ въ сентиментальномъ родѣ. Не то говоритъ правдивая исторія первыхъ временъ христіанства. Изъ нея видно, что христіанство пріобрѣтало послѣдователей не уступками и побѣдило міръ съ тѣмъ знаменемъ, которое было „для іудеевъ соблазнъ и для грековъ безуміе,“ изъ нея видно, что крестъ напоминалъ не только странный догматъ о Богѣ униженномъ и распятомъ, но требовалъ отъ горделиваго іудейства поклониться предъ крестомъ и предъ рас-

пятымъ на немъ, а отъ блестящаго и испорченнаго язычества — распять свою плоть съ ея похотями. Нѣтъ и рѣчи о сирійскихъ очарованіяхъ, прикрывающихъ страшныя жестокости Евангелія. Оно потому повергло всѣхъ идоловъ, что благовѣствовало прощеніе и обладало не побѣдимымъ Божиимъ всемогуществомъ привлекать къ себѣ души; потому что оно было не мертвою, а живою книгою, написанною огненными буквами въ церкви апостоловъ и святыхъ; потому что оно было запечатлено мученичествомъ. Дѣло идетъ не о преобразованіи міра первыми христіанскими проповѣдниками, а о собственномъ ихъ преобразованіи. Пусть историкъ покажетъ намъ, какимъ образомъ еврей, упрямые и насквозь пропитанные самими узкими національными предразсудками, послѣ Пятидесятницы вдругъ сдѣлались великими Апостолами, съ широкимъ духомъ, съ сердцемъ еще болѣе широкимъ въ своей любви ко всему человѣчеству. Порывъ вѣтра и ураганъ или другой физическій феноменъ, конечно, этого не объяснятъ. Для насъ возможно одно объясненіе: Апостолы были первыми памятниками великаго чуда, которое они въ послѣдствіи непреложно засвидѣтельствовали. Вотъ единственный достойный Бога и человѣчества способъ объяснить торжество христіанства. Книга Ренана представляетъ новое и блестящее тому доказательство. Эта книга очень легка передъ судомъ науки; мы не такъ дурно думаемъ о нашей эпохѣ, чтобы не быть увѣренными, что эта книга, хотя написанная съ рѣдкимъ талантомъ, не долго

будеть удивлять своею изнѣженною философіею и своею черезчуръ легкою моралью.

Полтава.

10 октября 1866 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря.

Отпечатанъ въ типографіи Кіево-Печерской Лавры и поступилъ въ продажу: Кіевскій Народный Календарь на 1867 годъ съ портретомъ Государя Императора Александра II, гравированнымъ на стали въ одной изъ лучшихъ заграничныхъ типографій. Содержаніе календаря слѣдующее: 1) Указатель чиселъ каждаго мѣсяца, 2) Церковное счисленіе православной церкви, 3) Объясненіе церковнаго счисленія, 4) Римско-католическое церковное счисленіе, 5) Еврейскіе праздники, 6) О счисленіи времени, 7) Времена года, 8) Затмѣнія, 9) Псаломъ 148. Хвалите Господа съ небесъ, 10) Святцы православной и римско-католической церквей, 11) Праздники и торжественные дни, въ которые присутственные мѣста и учебныя заведенія освобождаются отъ занятій, 12) Указаніе нѣкоторыхъ особыхъ праздниковъ и обрядовъ церковныхъ, съ указаніемъ особенностей въ богослуженіи, 13) Алфавитная роспись святыхъ, празднуемыхъ пра-

вославною церковію, съ показаніемъ времени празднованія, 14) Указатель св. мѣстъ г. Кіева и окрестностей его, съ видами церквей, а также и фонтана Сампсоновскаго, 15) Россійскій Императорскій домъ, 16) Таблица народонаселенія и пространства Россійской Имперіи, 17) Таблица населенія югозападныхъ губерній, 18) Разказы изъ русской исторіи по лѣтописи преподобнаго Нестора, съ картою древней русской земли, 19) Какъ Осипъ Ивановичъ Коммисаровъ Костромской спасъ жизнь Государя Императора, съ портретомъ О. И. Коммисарова Костромскаго, 20) Братское слово южно-руса землякамъ, которые не хотятъ довольствоваться общерусскимъ книжнымъ языкомъ и хотятъ выдумать новый книжный малороссійскій языкъ, 21) Свѣдѣнія хозяйственныя: а) копаніе колодезей, б) какъ узнавать лѣта рогатаго скота, в) тельность коровъ, г) способъ приготавливать чернило, д) какъ истреблять червей въ капустѣ, е) сохраненіе свѣжихъ яицъ, ж) количество посѣвовъ сельскохозяйственныхъ растеній на десятину, 22) О пчеловодствѣ: а) какъ выбирать мѣсто для пасѣки, б) какъ поступать при выставкѣ пчель въ пасѣку, в) о роеніи пчель, г) болѣзни пчель, 23) Здоровье дороже богатства, 24) Какую бѣду наживаетъ человекъ отъ водки, 25) О поданіи помощи въ случаяхъ опасности для жизни, 26) Предохранительныя правила на случай появленія холеры, 27) Есть ли гдѣ конецъ свѣта, 28) Предсказаніе погоды, 29) Узаконенія и распоряженія правительства съ 1 января 1865 по 1 апрѣля 1866 года, 30) Таб-

лица процентовъ по три процента на рубль, 31) Расчетъ процентовъ на 100 руб. по 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 процентовъ, 32) Употребленіе гербовой бумаги, 33) Расчетъ прогоннымъ деньгамъ, 34) О штемпельныхъ конвертахъ и почтовыхъ маркахъ, 35) Такса для сбора вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ, 36) Разстояніе города Кіева отъ другихъ губернскихъ городовъ, 37) Карта почтовыхъ дорогъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской и Черниговской губерній, 38) Такса за проѣздъ между станціями общества пароходства по Днѣпру, 39) Телеграфный тарифъ, 40) Русскіе мѣры и вѣсы, 41) Алфавитный указатель ярмаркамъ Кіевской, Черниговской, Волынской, Подольской и Полтавской губерній, 42) Важнѣйшія ярмарки другихъ губерній, 43) Свѣдѣнія для пріѣзжающихъ въ Кіевъ о гостиницахъ, магазинахъ, врачахъ, разныхъ ремесленникахъ и пр.

Лица, занимавшіяся редакціею Календаря обратили особенное вниманіе на точность и вѣрность данныхъ, въ немъ сообщаемыхъ.

Цѣна съ пересылкою 17 коп. Съ требованіями обращаться въ Редакцію Кіевского Народнаго Календаря въ Кіевѣ, при Кіевской 1-й Гимназіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Изъ Редакціи Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей можно получать отпечатанныя отдѣльными оттисками слѣдующія сочиненія:

1. Замѣтки о воспитаніи дѣтей. Сочиненіе Николая Даниленка. Полтава 1866 г. Цѣна 50 коп.

2. Когда написаны наши Евангелія? Общепопулярное изслѣдованіе Константина Тишендорфа. Полтава. 1866 г. Цѣна 25 коп.

За пересылку ничего не прилагается.

ОПЕЧАТКА.

Въ 18 № Епархіальныхъ Вѣдомостей допущены слѣдующія грубыя опечатки: въ части официальной: на стр. 642 строкъ 2 отъ конца напечатано: въ дѣлѣ Народволо, — дол. чит. въ дѣлѣ народнаго; на стр. 643 стр. 5 сверху напечатано *старається*, дол. чит. стараться располагать; на слѣдующей за сею строкѣ напеч. *обученію*, дол. чит. обученію; на стр. 646 стр. 7 отъ низу напеч. села Горковецъ дол. было напеч. села Горкушинець; на стр. 650 стр. 4 отъ конца напечат. *училищно езданіе* дол. чит. училищное зданіе.

Содержаніе: I. 39 е письмо Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго. II. Критическая школа и Апостолы (Окончаніе). III. Объявленія.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.

Печ. дозволяется. 1866 г. Октября 15 дня. Цензоръ Пр. Катрановъ.

Полтава. Въ типографіи вр. Н. и П. Шигуренко.